

мощь. Не прошло и года, какъ возникла N—ская труппа и мы удѣлили ей изъ основнаго капитала три тысячи.

Ну-съ, что еще вамъ разскажать?

— Вы ничего не сказали о вашихъ обязательствахъ другъ къ другу, о заработкѣ, о хозяйственной части.

— Обязательства слѣдующія: выйти изъ трупны общицкъ можетъ не иначе, какъ съ общаго согласія ($\frac{2}{3}$ голосовъ). Права каждого общника одинаковы. Ну, а на счетъ заработка, *заработка мысличный двоякій*. 1) Для каждого общника существуетъ общий *minimum* или *пай* 100 р. При этомъ менѣе талантливые обязаны въ свободное время бесплатно расписывать роли, при надобности суплировать, замѣнять кассира, актрисы шить и т. п.; вообще—въ видахъ общаго интереса—не отказываться ни отъ какой посильной работы. Дирижеръ обязанъ знакомить съ теоріей музыки, развивать голосовыя средства артистовъ; декораторъ — заниматься съ желающими живописью, подготавляя такимъ образомъ себѣ помощниковъ и преемниковъ. 2) Для привлечения въ общину талантовъ и ихъ поддержки къ *minimum*'у или *пайю* назначается *прибавка*: пол-пая, пай, два, три, четыре пая и *заробоная*. То и другое, по усмотрѣнію

большинства голосовъ ($\frac{2}{3}$) сохраняетъ силу на одинъ годъ; потомъ можетъ быть измѣнено.—Бенефисовъ у насъ иѣтъ, какъ заведенія педостойнаго цѣлѣй искусства и достоинства человѣка. Помимо того у насъ бываетъ дѣлежка *капитала прибыли*, который составляется изъ излишка „рядовыхъ“ сборовъ и дѣлится между общниками въ усипскомъ и великомъ постахъ, сообразно *minimum'у* и *maximum'у*, за вычетомъ 3 пр. въ кассу пенсій, 1 проц. въ кассу ссудъ и 2 проц. въ *кассу школы и стипендій*. Такимъ образомъ *прибыль* составляетъ тотъ капиталъ, который замѣняетъ былье бенефисы и барышъ антрепренеровъ. Въ посты даемъ концерты, литературные вечера, живыя картины. — Хозяйственная часть немудреная. *Текущіе сборы*, по повѣркѣ каждого секретаремъ, въ присутствіи дежурного общника, хранятся у секретаря (онъ-же казначей). Ежемѣсячно отдѣляется изъ нихъ 2600 р., составляющіхъ *minimum* нашего заработка; потомъ прибавочные, съ вычетомъ изъ той и другой суммы 1 пр. въ кассу пенсій, 1 пр. въ кассу ссудъ и 1 проц. на образованіе *капитала школы и стипендій*. Въ нашей труппѣ и теперь уже есть маленькая *школа*; съ расширеніемъ средствъ мы хотимъ довести ее до гимназического курса,

а буде можно, образовать *академію сценическихъ работниковъ* па разумпхъ началахъ, выработанныхъ опытомъ и теоріей. Дѣтимъ недостаточныхъ актеровъ, равно юнымъ артистамъ и артисткамъ, пожелавшимъ оставить сцену для получения высшаго образования, рѣшено выдавать теперь-же возможную помошь изъ процентовъ основнаго капитала, а вноскѣствіи изъ капитала школъ и стипендій. Съ августа мы уже выдаемъ стипендию двумъ лицамъ, поступившимъ въ университетъ... Возвратъ на сцену необязателенъ, если стипендіаты пожелають изъ будущихъ своихъ заработка удѣлять *ежегодно* 3 проц. на капиталъ школъ и стипендій и 2 проц. на капиталъ пенсій.

— Вы сказали, что членскіе взносы, или какъ называете, *запасный капиталъ*, идетъ на вечеровыя расходы. Ну, а въ случай если взносовъ этихъ мало?

— Тогда вечеровыя расходы пополняемъ изъ текущихъ сборовъ. При недостаткѣ же текущихъ сборовъ (и членскіхъ взносовъ), разсчетъ заработка по раскладкѣ *minimum'a* и *maximum'a*. Были такіе мѣсяцы, что мы даже *minimum'a* не выби-рали; “за то были и такіе, что на *maximum* брали 400—500 руб. Изъ прибыли въ прошломъ великому посту взяли на

maximum по пяти сотенъ, въ усненскомъ—около трехсотъ. Не забудьте, что мы круглый годъ на мѣстѣ. Не забудьте и того, что, видя въ дѣтяхъ самого простаго человѣка будущихъ дѣятелей на разныхъ поощрещахъ, мы обратили внимание и на театральныхъ чернорабочихъ.

— Пучковъ мнѣ уже объявилъ.

— Да-съ, теперь дѣвочки какого нибудь Пучкова не ходить въ изодранной тряпице, а въ тепленькомъ салончикѣ и учится въ школѣ. А годъ тому назадъ, знаете-ли, въ какомъ положеніи нашелъ я Пучкова съ его дѣвочкою? По дѣламъ трушины бывъ посланы въ О., я при первомъ-же моемъ посѣщеніи театра встрѣтилъ старика плачущимъ: ему отказали отъ мѣста—опоздалъ опустить занавѣсь! Немудреное дѣло опускать занавѣсь, а по жалобѣ старика выходило что-то иное. „Пусть-ка они сами, матушка, посидятъ на колосникахъ, на семисаженной-то вышинѣ!... каждую минуточку думаешь: вотъ-вотъ повѣстка... руки не отрываешь отъ колеса... отвернулся плюнуть, чихнуть, папиросочку скрутить, а тутъ, какъ разъ, стукъ! Суфлеръ отмѣтилъ первую повѣстку за три строчки до второй—гдѣ успѣть! ну, и опоздалъ... да еще—во! видите палецъ веревкой раструщилъ. Актриса, только что умершая на

сценѣ, думая, что занавѣсь упала, стала вставать, хохотъ; пьеса провалилась... Вотъ и отказали. Какъ-же я, матушка, теперь... Вѣдь у меня дѣвочка! Пятый день хожу за разсчетомъ... не даютъ. Нешто можно, матушка"? Просилъ я его зайти ко мнѣ... Ждалъ, ждалъ, нѣтъ. На третій день прибѣжала ко мнѣ въ номеръ его хозяйка, старушонка въ тряпье, твердя: лежить, зоветь тебя! Поѣхалъ съ нею. Въ холодной, вонючей порѣ, на полу лежалъ онъ, держа въ худой какъ кость рукѣ смятую засаленную разсчетную книжку, а тусклые глаза точно указывали на его дѣвочку, испуганно сидящую тутъ-же въ какомъ-то рваномъ одѣялѣ: смотрите, говорили мнѣ эти глаза, въ книжкѣ помѣчено: *получилъ спередѣ три рубля*,—жилъ на нихъ съ мою дѣвочкою три недѣли, мнѣ остается еще получить за двѣнадцать дней... но мнѣ не даютъ!—Призванный докторъ объявилъ, что это истощеніе отъ голода... Поэтому, мнѣ сдается, грѣшно было бы забыть общинѣ этихъ, хотя и незамѣтныхъ, но все-таки нужныхъ, а значитъ и полезныхъ тружениковъ. А говорю это потому, что общники кричали вначалѣ: вотъ еще — будемъ мы заботиться объ этой челяди, у насъ свои дѣти, свои неотбойные нужды!

— Какой-же у вась вечеровыи расходъ?

— Отъ восьмидесяти до ста рублей: освѣщеніе, толка, пьесы, авторскія *) афиши, оркестръ, парикмахеръ. Наша труппа въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ N—ская: мы за театръ не платимъ. При-нимая во вниманіе интересъ искусства и что самый большои заработокъ ни къ чему не послужитъ, если пѣть времени по человѣчески воспользоваться имъ, мы ограничили число спектаклій въ недѣлю *четырьмя* и только во время святои и масляной — ежедневно. Значитъ въ мѣсяцъ 17 спектаклей, расходу до 1650 р. Возьмите счеты, и кладите: пять капель-днеровъ (они-же и афишеры) 125 р.; пять рабочихъ 200 р.; общники 2600 р. Итого 4575 р. Буфетъ намъ платить 100 р. въ мѣсяцъ, да уступили мы на аренду

*) Расскажу къ слову, какъ *авторскія права* были встрѣчены нѣкоторыми антрепренерами. Явился къ житомірскому антрепренеру агентъ. „Я — отъ Родиславскаго... получить надо съ васъ“. — Родиславскій? Кто такой? Кто такой? Что такое? Министръ? — Нѣтъ. Такъ, молъ, и такъ.—А бумага отъ министра? разрѣшеніе? — Нѣтъ. — Не дамъ. Родиславскій... что такое? почему? — Такъ онъ отъ меня и отѣхалъ, добавилъ миѣ самъ антрепренеръ.—Не отдали?—Не отдалъ.

вѣшалки, бинокли и афиши тоже за 100 р. Скиньте двѣсти долой. Значитъ расходу minimum 4300 р. На кругъ, каждый сборъ съ членскими взносами долженъ быть двѣсті пятьдесятъ съ небольшимъ рублей. А мы часто беремъ 600 и даже тысячу. Жить, какъ видите, можно.—Распоряженія по дѣламъ труппы сосредоточены въ комитетъ, режиссеръ и секретарь, выбранныхъ баллотировкою. Комитетъ состоитъ изъ двухъ артистовъ, режиссера и двухъ артистокъ. Собирается еженедѣльно по субботамъ для провѣрки и обсужденія текущихъ и будущихъ дѣйствій общины, помѣщенія капиталовъ, выдачи ссудъ, составленія репертуара на двѣ недѣли, и т. п. Сегодня суббота, и мы представимъ васъ, какъ жаждущаго дѣятельности и хлѣба. — Режиссеръ заботится о своеевременной и надлежащей монтировки пьесъ; назначаетъ роли, соблюдая въ раздачѣ ихъ совершенное уничтоженіе рутиннаго амплуа, немыслимаго при требованіяхъ современаго искусства и репертуара; требуетъ полной игры на послѣднихъ репетиціяхъ, замѣчаетъ и исправляетъ ошибки артистовъ, выписываетъ новые пьесы и пр. Штрафуетъ неисправныхъ; штрафъ, по утвержденію комитетомъ, поступаетъ въ кассу пенсій и ссудъ. Режиссеръ долженъ

быть съ солиднымъ образованіемъ, зна-
токъ теоріи искусства и уважаемый практикъ. Нашли, что вашъ покорный слуга подходитъ подъ эти условія. Имѣю по-
мощника.—Секретарь (онъ-же казначей),
хорошо знакомый съ бухгалтеріей, ведеть
книги всѣхъ капиталовъ, принимаетъ и
хранить кассу, выдастъ членскіе билеты,
ведеть необходимую переписку, хранить
документы и пр. Выбирастъ себѣ помощ-
ника изъ общниковъ, по своему усмотрѣн-
ію.—Вотъ въ какомъ видѣ, почтеннѣйший
камрадъ, застаете вы нашу колонію. У
насъ жизнь, энергія; выписываемъ сообща
журналы, газеты, достаемъ книги, другъ
друга убѣждаемъ, споримъ... засѣданія,
переписки... число членовъ и общниковъ
растетъ... Дѣло кипитъ. Сплетничать и
каверзничать некогда.

— Ну, а наши знаменитыя правила.
Какъ? въ силѣ?

— За кого-же вы насъ считаете! Мы
не только актеры, а и люди: у насъ ца-
рить тотъ порядокъ, который присущъ
человѣчности и дѣлу. Беременность ар-
тистки, ни въ какомъ случаѣ, не лишаетъ
её minimum'а заработка. Больница, поми-
мо minimum'a дасть больному право на
денежныя ссуды, которые бываютъ съ
возвратомъ и безъ возврата. Такимъ об-

разомъ ваша бѣдная Олињка могла-бы поѣхать лечиться въ Пятигорскъ, въ Крымъ, заграницу... Во время репетицій и спектаклей никто не имѣеть права быть на сценѣ, кромѣ участвующихъ и режиссера съ помощникомъ; публика жъ памъ и носу не кажеть; горничная и лакеи сидятъ по уборнымъ; иначе, вѣрнѣйшій портрафтъ въ пользу кассъ пенсій и ссудъ. Во время хода пьесы (опоздавшая публика не имѣеть права войти въ залъ. Т. о. овладѣвшиій вами божественный жаръ,—а что онъ у васъ есть, это мы знаемъ, — не расплывается въ визитахъ умнѣйшей публики, или въ лицезрѣніи какой-нибудь замухрышки въ окнѣ, въ которое вы должны любоваться на предвѣчныя звѣзды, или въ слушаніи звона сабли какого-нибудь воина, стремящагося на свое кресло. Спектакли кончаются въ 11 часовъ, ибо почь дана для подкрайленія организма, а не для изнуренія его. Вотъ-сь на какой точкѣ вы пасть застаете. И если вамъ любо паше дѣло, сегодня-же о васъ доложать и вы исполните пробѣлъ въ N--ской труппѣ, которая руководится тѣми-же начальами, какъ и паша, находится въ обоюдной связи съ вами, какъ и съ третьей труппой. Наши труппы только части одного цѣлага. Для

возникновенія N--ской труппы, какъ уже объявилъ вамъ, мы отдѣлили изъ основнаго капитала три тысячи. Это у насъ обязательно для всякой возникающей труппы. M—ская труппа успѣла выrostи на свои средства,—честь и хвала ей! Въ началѣ, зарекомендовавшай себя городу какъ толково сформированное *societe*, она добилась субсидіи въ 4 т., получила ее впередъ, дѣльно ею воспользовалась, и слилась съ нами. Въ интересахъ искусства и публики, артистами мы положили меняться. Въ N мы имѣемъ всѣ данные васъ послать: я помню, васъ тамъ любили. Навѣрно комитетъ мою просьбу уважить... Ну, что-же еще? Есть у насъ параграфъ, который гласитъ, что желательно, чтобы суплерами, кассирами и капельдиперами труппъ общины были женщины.

— А субсидію даетъ вамъ городъ?

— Шесть тысячъ. Три уже получили. Изъ нихъ полторы отдѣлили на кассу пенсій, полторы на кассу ссудъ. Остальныя-же три, по полученіи, рѣшили отнести къ основному капиталу, потому что его навѣрно раздергаютъ скоро на кусочки: то и дѣло получаемъ письма отъ артистовъ, желающихъ пойти по нашимъ слѣдамъ, отовсюду кричатъ: помогите! Въ

общинъ теперь однихъ членовъ-актеровъ 520 душъ, слѣд. они дали общинѣ капиталъ въ 5200 р. Во имя всего этого, съ мѣсяцъ тому, мы избрали (письменною подачею голосовъ общниковъ) президента. Это известный писатель, человѣкъ глубоко интересующійся дѣломъ роднаго искусства. Положено ежемѣсячно доставлять ему отчеты дѣйствій труппъ. На его обязанности лежатъ хлопоты о возникновеніи другихъ труппъ общины, снятіе театръ, устройство любительскихъ спектаклей и концертовъ въ пользу кассъ, пенсій, ссудъ, школъ и субсидій, вносѣніе пріемъ прошеній о пенсіяхъ, изысканіе средствъ для основанія академіи сценическихъ работниковъ, публикація въ большихъ періодическихъ изданіяхъ полугодичныхъ отчетовъ дѣйствій труппъ, состоянія нашихъ кассъ ит.п. Для выясненія своихъ плановъ, назначаетъ въ великомъ и успенскому постахъ *собранія общниковъ*, состоящія изъ выборныхъ каждой труппы. Помимо этого: обязать привлечь въ это дѣло общество драматическихъ писателей и если можно слить его съ общиной во-едино, какъ служащее тѣмъ-же цѣлямъ развитія роднаго искусства; основать при нихъ помочи непечатный органъ, въ которомъ обсуждалось-бы все касающееся положенія

искусства и работниковъ сцены, какъ своихъ, такъ и другихъ странъ, печатать пьесы, приимать анонсы о мѣстонахождениі свободныхъ работниковъ сцены и пр. Извѣстный процентъ съ подписной суммы на это изданіе долженъ идти на кассы, пенсіи, школы и субсидіи. На необходимыя издержки при веденіи этого дѣла назначено президенту 15 проц. съ капитала прибыли всѣхъ труппъ. Вотъ и все. Да, забылъ. Во избѣжаніе недоброжелательствъ со стороны антрепренеровъ, решено предложить надежнымъ изъ нихъ мѣста секретарей въ труппахъ общины, съ вышеозначеннымъ *minimum'омъ*, съ участіемъ по раскладкѣ въ прибыли и правомъ на пенсію. Какъ вы полагаете, пойдутъ оные могиканы на таковую сдѣлку?

— Мудрено отвѣтить.

— А я утверждаю: пѣтъ и нѣтъ. Что сіе докажетъ? Что ихъ дѣло — сытное дѣло. Ну, а пойдутъ — лучшее для насть же: мы не ударимъ „однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. Такъ вотъ, желанный гость Федоръ Сергеичъ, какъ вы насть застаете. Тысячи, которыя берутъ изъ театральныхъ кассъ десятки антрепренеровъ, убираютъ на нихъ свои квартиры коврами, вычурною мебелью изъ

оленыхъ роговъ, сторублевыми чернильницами, пятисотрублевыми часами, одѣваютъ семью въ щелки и бархаты, а при удачѣ покупаютъ дома, хутора, заводятъ грандіозныя гостиницы,—тысячи эти могутъ разойтись по карманамъ тѣхъ, которые играли и въ пользу благотворительныхъ обществъ, и въ пользу студентовъ, и въ пользу инвалидовъ; это „въ пользу“ безъ конца: только въ ихъ пользу до общины ничего не дѣлали. Теперь, играя Гамлета, мнѣ не придется думать: гдѣ-бы достать рублика на базарь? Бывали годы, когда напр. въ Одессѣ выручалось за одинъ зимній сезонъ 20 т. чистогану; въ Харьковѣ тоже; въ Кіевѣ, при мнѣ (70 г.) за 4 лѣтнихъ мѣсяца взято 8 т. барыша... Не буду гнаться за этими цифрами, отнесу ихъ къ случаю, а положу среднюю цифру зимняго барыша тридцати-сорока болѣе солидныхъ антрепренеровъ, по три тысячи рублей. Вѣдь это на худой конецъ 90 тысячъ нашихъ кровныхъ! А сколько клюютъ не антрепренеры, а *антрепренеры...* Положимъ иѣкоторые изъ „солидныхъ“ тридцати - сорока работаютъ: оцѣню трудъ не иѣкоторыхъ, а всѣхъ, за зиму въ 1200 р. на 30 — 36 т. Итого 54 тысячи безъ субсидій. А субсидій въ Россіи тоже не малая толика... Что на это

скажете? Почтенный Иванъ Евсеевичъ Пучковъ сказалъ-бы: запузыривай, матушка!

Въ ближайшемъ номерѣ мѣстныхъ газетъ былъ напечатанъ *отчетъ послыдия засѣданія общниковъ*. Вотъ что гласилъ опь:

1. Положено отпустить въ теченіе трехъ лѣтъ по 150 р. изъ капитала школы и стипендій на воспитаніе дѣтей умершаго актера не общника, служившаго искусству 33 года. Сдѣлано предложеніе о томъ же другимъ трупамъ общини.
2. Выслано единовременно большой актисѣ-не-общнику 100 р. изъ кассы ссуды безъ возврата.
3. Выдано 100 р. актеру-члену, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи и рѣшено отправить его въ Н—скую труппу общини, которая увѣдомила, что нуждается въ артистѣ.
4. Изъявлена благодарность общинѣ г. Д., за пожертвованіе имъ въ кассу школы и субсидій 170 р. 60 к., вырученныхъ отъ устроеннаго имъ любительского спектакля.
5. Отклонено ходатайство двухъ лицъ о ссудѣ.

6. Утверждена репертуаръ на двѣ ие-
дѣли.

7. Выдано 15 р. на покупку географи-
ческихъ картъ, глобуса и пр. для школы
общины.

8. Изъявлена благодарность общины
местной редакціи за даровое печатаніе
отчетовъ общины.

Заключение. Я кончилъ. Съ душевнымъ
трепетомъ идукаю въ свѣтъ пережитое,
видѣнное, думы и мечты мои. Съ душев-
нымъ трепетомъ жду отвѣта.

Отвѣтъ антреираперовъ—я знаю.

Отвѣтъ прессы и общества—угадываю.

Но отвѣтъ моихъ товарищ? Они такъ
давно живутъ виѣ человѣческихъ зако-
новъ... Если они меня не поняли. Одни
изъ нихъ можетъ быть засмѣются; другіе,
думая, что *готовы* на хорошее дѣло, по-
несутъ закусивъ удила; третыи — говоря
словами Новикова *) „будутъ иѣсколько
лѣть думать, иѣсколько лѣть разсуждать,
иѣсколько лѣть дѣлать начертанія, иѣ-
сколько лѣть разсматривать оно; много
лѣть приготовлять вѣщество, много лѣть
собирать оно, много лѣть приводить оно

*) Кошелекъ, сатир. журналъ Новикова.
Москва, стр. 17.

въ порядокъ, много лѣтъ дѣлать изъ приведенного въ порядокъ выписку, много лѣтъ изъ выписки сочинять, а потомъ еще болѣе всего, много лѣтъ разматривать и одобрять оный проектъ къ совершенію“. А люди будутъ валиться, гибнуть...

Тогда мнѣ, съ краскою стыда, остается сказать: актеры достойны своей участи, а я—сумасшедший.

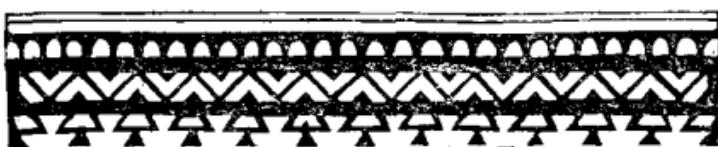
РОДНАЯ ГАЗЕТА

ВЪ

ОЧЕРКАХЪ и РАЗСКАЗАХЪ

Часть официальная

Данная страница оригинала не
содержит информации

I.

«Уволенъ по болѣзни».

Оставленные листки на чердакѣ.

ОЛГО ЛИ это будетъ? долго ли будетъ тянуться проклятая жизнь безъ хлѣба и одежды?

Въ этомъ городѣ много добра. На любой улицѣ, на любомъ углѣ, я читаю на афишахъ и книжкахъ: „въ пользу приюта“, „въ пользу инвалидовъ“. Но нигдѣ я не вижу въ пользу голодящаго, потерявшаго мѣсто учителя жалкой сельской школы...

Не велики были и тамъ радости, проголодь, тасканіе чужихъ плетней на тощиво. Но все-таки проголодь, а не голодь...

Законна ли моя ирреализія?

Могу ли я, уволенный по болѣзни, могу ли, смыю ли ждать помощи? Должны ли мнѣ люди-братья бросить подачку? Принесъ ли я пользу родинѣ въ лицѣ безвѣстныхъ учениковъ безвѣстной школы? Я училъ всего два года...

Два года! Ничтожный срокъ...

Я не выслужилъ давности. Только давность даетъ право на сиасибо...

Но отчего же, одно слово моей умирающей матери, соединившей мои дѣтскія руки съ рученками моей сестры, молніей прѣзжало мою жизнь и указало мнѣ путь. „Поцѣлуйтесь!“ сказала она.

Толь~~ко~~ одно слово!...

Съумѣлъ ли я кинуть въ чистыя, неповинные души моихъ мальчиковъ это слово? Не много ли я беру на себя?

Но зачѣмъ же мои мальчики плакали, когда меня увозили отъ нихъ? Жалко ли имъ было больного, какъ бываетъ жалко больную скотину, или... Но тутъ же мнѣ раскатами грома гремитъ инос. *Родители ихъ радовались моему отъезду!*

За что ихъ родители не взлюбили меня?

Я не знаю, какъ это вышло. Перебираю всѣ мелочи, вспоминаю каждый мой шагъ... Въ чемъ я *долженъ* себя упрекнуть?

Непріязнь началась со дня прихода

старухи Матрены Шмелюхи. Да, это такъ, съ этого дня. Она принесла мнѣ кусокъ холста и наѣдку съ цыплятами, чтобы „лучше училъ ея Ванюшу“. Ушла она съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришла. За нею явился сѣдой Дмитрій Коржъ съ корзиною яицъ, четверткою чал и тремя фунтами сахара. Тутъ и пошло...

— Важничаетъ!... Морду воротить!... Мало, вишь, ему!.. Прощаляга!.. Мало, вишь, ему!.. Видитъ Богъ, взялъ ли я хоть конѣйку у кого! Какъ помню себя, я отъ одной бѣдной сестры Оли принялъ помощь...

Непріязнь росла и росла. Выросла она до того, что посѣтившій школу инспекторъ вмѣсто „здравствуй“ сказалъ мнѣ:— Жалобы на васъ, батинъка. Плохо, плохо! И началь экзаменовать дѣтей...

Что я могъ ему отвѣтить?

Бѣдное мое сердце, при первомъ же его привѣтѣ, сказало мнѣ: погибаю! Я стоялъ убитый. Мерещилось мое дѣтство, голодное, загнанное, колотушки тетки, грабежъ роднаго гнѣзда онекунами; бѣгство мое, оять нужда, гривковое переписываніе бумагъ, урочинки гривковые.

— Что же вы молчите? гремѣлъ надо мною голосъ начальника.—Отвѣтчайте же!

Я не знаю, какъ это случилось, но я

шечально отвѣтилъ: — *И вчера кулиш и сегодня кулиш!*

Инспекторъ пугливо глянулъ на меня, затаихъ и велѣлъ подавать лошадей. Прежде чѣмъ сѣсть въ возокъ, онъ долго разговаривалъ тихо съ волостнымъ старостою...

Цѣлую ночь миѣ грезилось, что кто-то ходилъ подъ моими окнами. Анисья, баба-бездомка, убиравшая школу, утромъ, на мой вопросъ—ходилъ ли кто? захала и боязливо проговорила:—Ничего, желанный, ничего!.. Никто какъ Богъ. Оправдывалася.

Долго я ждалъ моихъ мальчиковъ, но они не пришли въ школу. Слышать, какъ Анисья шепталась съ кѣмъ-то въ сѣницахъ. До меня долетѣло: О-о-о, Го-о-споди, навредился!

Я задрожалъ и похолодѣлъ. Кто?! Такъ ли я слышалъ? Вѣрио ли?

Я глянулъ въ окно. На крылечкѣ сидѣлъ съ дубиною Максимка-солдатъ. Къ нему вышелъ изъ сѣией Гаврило-кузнецъ и сказалъ: Смирень!

Да. Я не ошибся. Они про меня говорили. Кинулся къ двери. Дверь заперта. Я ощущивалъ свою голову... Схватилъ зеркальце, глянулъ въ него. На меня гля-

дѣли чын-то дикіе глаза, сверкающіе какъ горящіе угли. Глаза были не мои...

Дальнѣйшія мои воспоминанія путаются. Помню сани, слезы мальчиковъ, пугливо прятавшихся за старшихъ. Помню лунную ночь, Кузьму, сидѣвшаго со мною въ саняхъ. Кузьма везъ въ городъ кромѣ меня, пару гусей и теленка. Лошадь провалилась въ балкѣ, сани поплыли, гуси подняли крикъ, теленокъ все толкалъ меня мордою, такъ что я вывалился изъ саней въ воду. Изъ лѣсу выѣхала баба съ хворостомъ и помогла намъ. Бредъ это, или уцѣльла въ моей памяти дорога, не знаю. Дальше помню, что меня ввели въ большую комнату. Господинъ въ вицмундирѣ сказалъ миѣ: — Здравствуйте, г. профессоръ!

— Я не профессоръ, сконфузился я.

— А желаете имъ быть?

— Еще бы.

— Мы это сейчасъ устроимъ. Пожалуйте въ ту аудиторію, тамъ васъ сейчасъ же произведутъ. Я пугливо глядѣль па него... Миѣ казалось, что это сумасшедшій: кто же, кромѣ сумасшедшаго, могъ такъ разговаривать?

Дальше помню одно свѣтлое видѣніе: надо мною наклонилось милое лицико моей сестры Оли, шептало „Поцѣлуй-

тесь"... я протянулъ руки и опять — мракъ...

Уже два мѣсяца, какъ меня выпустили изъ сумасшедшаго дома. Два мѣсяца, какъ я живу на этомъ чердакѣ со свидѣтельствомъ „уволенъ по болѣзни“.

Мое видѣніе было не мечта. Оля посыпала меня въ больницѣ. Вотъ ся письмо, все покрытое бурными пятнышками, — это ся и мои слезы.

„Милый мой братъ, Павлуша! Яувѣренна, ты скоро выздоровѣешь. Докторъ объявилъ мнѣ, что тебя ошибкою помѣстили сюда, что у тебя только горячка. А теперь я расскажу тебѣ, какъ я узнала гдѣ ты. Я искала тебѣ въ твою николу три раза, но ты не отвѣчалъ мнѣ. Я видѣла, что ты все еще презираешь меня, искать встрѣчи тамъ... помнишь?.. Я опять тебѣ клянусь памятью нашей мамочки, что я не знала. Уверяю Богомъ, не знала! Развѣ есть такія, что, зная *это*, решаются на *это*!

„Миѣ сказали, что Николай Иванычъ портной... и все тебѣ скажу. Если я виновата, то пусть пропаду какъ собака. Ты знаешь нашу жизнь у тетки. Ты просиѣ терпѣть. Я терпѣла. Я молилась на маминую икону Царицѣ Небесной, чтобы Она научила меня. Но Ея строгіе глаза

пугали меня. Разъ я—Господи, прости мое великое прегрешение!—заплакала эти глаза тьстомъ. Тетка выскользила меня и хотѣла вести съ будочникомъ по городу. Я ушла тою же ночью въ чёмъ была, покрылась только платкомъ. За городомъ догнала меня почта, сказала почтальону—иду къ брату. Онъ и довезъ меня до X. На постояломъ дворѣ я продала платокъ и серьжки. Искала хоть въ горничныхъ поступить, но отъ меня требовали какой-то бумаги. Одна модистка взяла меня за харчи. Писала тебѣ. Ты отвѣчай, что самъ чуть не умираешь съ голоду, что скоро дадутъ тебѣ мѣсто учителя. Я заплакала и печально опрокинула свѣчку на платье, что шила. Хозяйка дала мнѣ пощечину и велѣла убираться, если не хочу въ полиціи сидѣть. Я пошла по улицамъ. Холодъ былъ. Ночь провела на лѣстнице одного дома. Зубы у меня стучали, ноги и руки коченѣли, голова кружилась. Потомъ стала засыпать... Кто-то шель по лѣстницѣ.—Аль головка болитъ, барышня? ссыпалася. Дальше не помню. Помню вино пила. Проснулась у Плотникова—приказчика. Рассказала ему все. Онъ далъ мнѣ 10 руб. и адресъ Николая Иваныча. Разспросила его, какъ деньги посыпаютъ почтою; онъ надписалъ конвертъ, далъ бумаги

на письмо. Я отосла на почту, потомъ пошла къ Николаю Иванычу. Онъ любовался моими волосами, всегда распустить ихъ. Когда я спросила, зачѣмъ это, онъ потрепалъ меня по щекѣ и сдалъ на руки Александрѣ Ивановнѣ. Каждую ночь играла у нихъ музыка, но меня держали все въ комнатѣ и я жила платье. Потомъ познакомили меня съ однимъ армяниномъ. Пила вино, кормили конфектами... Послѣ встрѣчи съ тобою я долго плакала и сѣѣла коробочку сиичекъ. Страшио мнѣ стало! Какъ выбѣжала на улицу — никто не видать... Одинъ человѣкъ — о, какой онъ хороший — спасъ меня. Посадилъ на извозчика, привезъ къ себѣ, позвалъ доктора. Онь мой отецъ, моя мать. Разскажу тебѣ при свиданіи, какъ мы разстались съ нимъ. Теперь я живу хорошо, на мнѣ обѣщаютъ жениться. Онъ хуже *tого*, но такой добрый. Писала тебѣ нѣсколько разъ. Ты не отвѣчалъ. Чтобы узнать живъ ли ты, онъ ходилъ въ канцелярію какую то. Тамъ сказали, что ты въ больнице въ N. Ему надо былоѣхать по близости N., онъ и взялъ меня съ собою. Была у тебя, по ты не узналъ меня. Вотъ все. Я не лгу.

„Задѣжала съ нимъ къ нашей теткѣ за бумагой. О, какъ я ее боялась! Но онъ ска-

заль надо... Тетка вышла на крыльцо, спросила: кого вамъ, сударыня.

— Тетя, не узнаете меня?

— Не забыла!.. не забыла! зарыдала она на всю улицу. Какая она бѣдная стала! Какой жалкій нашъ домикъ! Сосѣди грабить и тащать: отъ забора ничего не осталось; коровъ, свиней, птицъ—ничего. Опь далъ тетѣ денегъ. Теперь у меня есть бумага. Памятью мамочки прошу тебя принять 10 р. Они тебѣ нужны, а у меня лишніе. Это—мои.

„Черезъ него я имѣю свой кусочекъ хлѣба. Опь пріютитъ меня въ театрѣ. Прилагаю тебѣ мою карточку. Пиши ко мнѣ. Если бы ты, нока найдешь мѣсто, согласился жить со мною, какъ была бы рада! Христосъ съ тобою. Твоя „Оля“.

Милая, дорогая подружка моего дѣтства! И я осмѣлился *тогда* отвернуться отъ тебя... Я забыть завѣтъ матери! И достойно наказанъ...

Получила ли она мое письмо? О, еслибы мнѣ ее встрѣтить, хоть на минуту встрѣтить—и молить о прощеніи.

Встрѣтить... А дальше что? Жить на ся шеѣ? Никогда, никогда! И потому... что значатъ эти слова: на мнѣ *общаютъ* жениться. О, какъ бы я былъ счастливъ... Но быть свидѣтелемъ *другой* жизни...

Одна слеза у меня скатилась, другая воротилась. Не молчно звучитъ мнѣ колыбельная пѣсня матери:

Пошла кица по водицу,
Да упала у криницы...

Какъ помочь, какъ уберечь мою Олечку? Что я могу? Я подавалъ прошеніе о принятіи меня вновь на службу. Мнѣ отвѣтили: „даставьте удостовѣреніе вашего бывшаго непосредственнаго начальника о причинѣ вашего увольненія“. Имъ мало докторскаго свидѣтельства. И резонъ: я могу купить доктора—вѣдь багач!

Развѣ есть такой просвѣщенный герой, который напишетъ: я ошибся — не отличъ голоднаго отъ сумасшедшаго...

Сумасшедший до могилы!..

Хозяйка третій день гонитъ. Надо убираться... На мнѣ жалкое истрепанное пальтишко. Глядя на этотъ костюмъ, на мою жалкую фигуру, всеъ меня сторонятся, требуютъ рекомендаций... Надо умереть. Положать въ могилу въ ветхомъ черномъ пальтишкѣ... О, не кладите меня въ черномъ: неужели я не заслужилъ бѣлага! Положите меня въ бѣломъ!.. Да. Надо умереть.

Что это? Какъ пахнуло сушеными травами!.. Не бредъ ли? Нѣтъ. Это наша комната... развѣшаны всюду пучки травъ,

мѣшечки съ сѣменами... Мы ихъ собирали съ бабушкой по лѣсамъ и оврагамъ ранней зорькою. Она уѣхала на своей телѣжкѣ за тридцать верстъ кого-то лечить. Въ сѣняхъ ждутъ люди на костыляхъ, въ ранахъ. Ждутъ ея декокта отъ ломоты и золотухи. Чу! гремитъ что-то. Лекарка єдетъ! Теличиха єдетъ! ожили больные. — Нѣтъ, это громъ гремитъ... Какъ мнѣ тепло и свѣтло стало на душѣ отъ этого воспоминанія. Не вернется, не вернется! Не бѣгаешь больше нашъ Сивко, не гремитъ по уѣзду лекаркина телѣжка... Спитъ Теличиха! Умираютъ ея дѣти...

„Неси крестъ и молись“!

Кто это, кто сказалъ?! Никого. Мнѣ все чудятся голоса. Неужели опять болѣзнь...

Падаетъ тьма. Я еле вижу, что пишу. У меня нѣть огарка, чтобы его зажечь. У меня нѣть корки хлѣба, чтобы сгрызть. Ничего у меня нѣть, кроме огрызка карандаша, выводящаго эти строчки на этихъ грязныхъ лоскуткахъ, поднятыхъ на улицѣ вмѣстѣ съ окурками папироcъ и апельсинными корками. У меня нѣть десяти копѣекъ, чтобы послать Оль мой предсмертный крикъ: онъ долженъ быть твоимъ мужемъ—у тебя могутъ быть дѣти!

А что толку, что я законно ношу имя

Теличихи? Не все ли равно... Къ чему къ
ней писать? Зачѣмъ?..

Идутъ?.. Нѣтъ, это крыса пробѣжала..

Главное — хлѣбъ нуженъ. Она пишетъ
„живу хорошо“, не нуждается. Она не
страдаетъ. Господь съ нею.

Людямъ жить тѣсно. Зачѣмъ же мѣ-
шать другимъ? Грызть ихъ? Лучше умереть,
умереть, чтобы не губить, не оскор-
бить Его Созданіе... У, какая холодная
каялля уиала на шею! Дождь...

Долой пальто! Пусть оно останется хо-
зяйкѣ: у нея четверо дѣтей...

Прощай, моя Олечка, прощай моя се-
стра! Беру твою карточку съ собою. Иди
честно въ Божіемъ мірѣ... Не забудь: „по-
цѣлуйтесь“!

Утромъ чердачъ оказался пустымъ.
„Ушелъ, прощалыга!“ плакалась хозяйка.
Оставилъ только пальтишко!..

„Прощалыга“ дѣйствительно ушелъ. Его
нигдѣ не нашли...

II.

«Утопился въ колодцѣ».

АМЪЧАТЕЛЬНЫЙ талантъ: онъ не перенесъ жизни на счетъ жены.

Вкусивъ въ дѣтствѣ и юности всю прелестъ воспитанія столичной театральной школы, онъ отиущенъ былъ въ провинцію, какъ „неспособный“ (точно въ провинціи не то же искусство)! Мягкую, восприимчивую его натуру припались въ провинціи комкать антрепренерскія лапы. Хозяйское „долби, пляши, юродствуй“ гнало его все ниже и ниже... до кабака. Уцѣниться ему было не за что и не за кого.

Вдругъ ему показалось, что его *любятъ*. Онъ ожиль. Пріодѣлся, обмылся, не пиль. Но это только *показалось...* Жена, во имя окружающихъ требованій, искала только

прикрышки. Онъ недолго видѣлъ подобіе „дома“. Она уѣхала въ другую трупину, потому что въ той, гдѣ ему давали хорошія деньги, она была ненужна. Съ этихъ поръ вся его жизнь ветѣлась на двухъ фразахъ: дайте денегъ впередъ — жена пріѣхала! дайте денегъ впередъ — жена уѣзжаетъ! Эти „пріѣхала“ и „уѣзжаетъ“ повторялись разъ пять. Онъ началъ выкидывать разныя штуки: не видя жену по году, онъ употреблялъ всѣ усилия, чтобы служить въ той трупинѣ, которую она только-что оставила. Антрепренерамъ это было на руку.... Съ какимъ-то отчаяннымъ наслажденіемъ выслушивалъ онъ еще свѣжіе толки обѣ ея подвигахъ, о жизни своей „дѣвочки“, которую жена ни за что не уступала “пьяницѣ“. *Кислота!* говорилъ онъ любимое слово, тряся головою. Покупалъ первымъ встрѣчнымъ ребятникамъ на всѣ имѣющіяся деньги игрушки, башмачки, рубашонки — и пилъ.

Пьяный онъ былъ смиренъ. Мурлыкаль лѣсню:

· Послушайте, братцы, совѣтовъ моихъ:
Есть на всякому мѣстѣ выгоды свои...
и съ особеною, рвущею за душу тоскою
выводилъ послѣдній стихъ:
„А надъ нашимъ братомъ свищеть со-
ловей!..

Театральная жизнь все такъ подтасовала, что иной карты онъ и жена не могли выдернуть.

Въ каждой труппѣ имъ вручали книжечку правилъ, учащихъ людей безмыслию и скотской жизни.

Разница между супругами была только въ томъ, что жена *лучше* постигла тайну книжечки и не мудрено: ужъ очень она ее доискала.

Въ этотъ разъ жена прислала ему телеграмму: „Измучена, ѿду съ Наташой отдохнуть къ тебѣ“. Онъ встрѣтилъ ихъ на станціи, верстъ за двадцать отъ города. Онъ и смеялся, и плакалъ, и пѣлъ куплеты, и цѣловалъ руки жены; наконецъ схватилъ Наташу на руки и принялся кружиться съ ребенкомъ около станціи.

Конфектъ, куколь надарила дѣвочкѣ... Ты добрый! сказала ему Наташа. Черезъ недѣлю пояснила: уроковъ не спрашивалъ!

Наташѣ напали гувернантку-нѣмку. Чтобы только жену приняли въ мѣстную труппу, онъ взялъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ меныше...

Скучно Наташѣ было съ пѣмкою. Къ мамѣ Матреинка не пускала.

— Мама роль учить; „у мамы чужой“...

Со звездою? спрашивала шепотом Наташа...

Папа сталъ сумрачный, поцѣльмъ дніамъ не бывалъ дома. А въ театрѣ, па сценѣ, былъ такой смѣшной—смѣшной.

Мамъ въ театрѣ подносили букеты... часто по почамъ. Наташу будиль стукъ въ ворота, и чей-то голосъ кричалъ: „Эй, выходи! прими сваво“!

— Что Наташа? спрашивалъ на другой день, отецъ, гладя дѣвочку по головкѣ, когда она приходила сказать ему обычное доброе утро. А глаза его глядѣли такъ горько-горько...

— Наша, и ты какъ бабушка!.. Не ней, голубчикъ! И она прижималась къ нему и плакала.

— Кислота, твердилъ онъ, тряся головою.

Комната его была далеко отъ комнаты жены, маленькая, съ однимъ оконкомъ на дворь.

Въ одно утро нашли его въ этой комнатѣ на полу, что-то мычащаго. Съ тѣхъ поръ онъ уже не игралъ па сценѣ: онъ могъ лепетать только „да, да“, и ходилъ все съ грифелью дощечкою въ карманѣ, па которой писалъ что ему нужно. Насупленныя брови, небритая борода, глаза, глядящіе изъ впадинъ, стали пугать Наташу.

Маленькое ея сердечко искало привязанности, любви, и она стала бѣгать за матерью какъ собачка.

На маминой половинѣ было всегда шумно, весело, играли на роялѣ, пѣли, или. Маму называли всѣ *кошечкой*. Старичекъ со звѣздою сажалъ Наташу на колѣни, кормилъ конфектами и училъ иѣть *Мурточку*. Въ одинъ вечеръ отецъ вошелъ въ гостинную, когда она иѣла эту иѣснью,— онъ прежде никогда не входилъ,— блѣдный, трясясь, и такъ ударилъ по столу кулакомъ, что столь раскололся. Старичекъ со звѣздою до того испугался, что уронилъ дѣвочку съ колѣни, заметался и сѣлъ на чью-то шляпу. Дѣвочка засмѣялась... Мать стала говорить, что отца надо отдать въ богадѣльню.

Наташа заплакала...

Наступила ночь. О, какъ хорошо, до мелочей, помнила Наташа эту ночь! Пѣмка уложила ее спать. Осенний вѣтеръ гудѣлъ въ трубѣ и рвалъ желѣзные листы съ крыши. Наташѣ сдѣгалось страшно. Что-то скрипнуло. Дѣвочка спряталась съ головою подъ одѣяло. Тихо. Нѣмка спала. Только вѣтеръ въ трубѣ у-у-у... Ей стало жарко и она тихонько выглянула. При свѣтѣ лампады она увидала стоящаго передъ нею отца, въ рыженькой визиточ-

кѣ, безъ жилета, въ спальней рубахѣ, въ туфляхъ.

— Папа... пана, я боюсь! Что ты?

— Да-а... да-а... простоналъ онъ, показывая на спящую нѣмку. Потомъ сложилъ руки на груди, точно прося прощенія; слезы посыпались на его бороду, остановились тамъ и заблестѣли.

— Не плачь... я люблю тебя! шептала дѣвочка, приподнимаясь.—Бѣдный папочка, бѣдный... голубчикъ мой! Она охватила его шею руками. Онъ сѣлъ на кровать, откинуль волосы съ ея лица и сталъ глядѣть на нее. Что хотѣлъ онъ высказать? Тоску ли о своей утраченной силѣ, которая заставляла дрожать восторгомъ весь театръ? боязнь ли за будущее молоденькой, свѣжей жизни, входившей въ божій міръ въ лицѣ его дѣвочки? Онъ вынулъ изъ-за пазухи запечатанное письмо, показывая знаками, чтобы она спрятала это письмо въ карманъ висѣвшаго платьица. На письмѣ былъ адресъ учителя гимназіи, большаго пріятеля отца. Затѣмъ сталъ писать на грифельной дощечкѣ: „Иди къ нему и останься у него. Слушайся его и помни папу“. Потомъ поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ, медленно перекрестилъ, глядя на нее, точно

запоминая черты. Все глядя на нее, онъ дошелъ до двери и исчезъ.

Она не видала его два дня.

Мать была встревожена. Дѣвочка все ждала его прихода, чтобы потребовать объясненій. Письмо она носила на груди. Отецъ не приходилъ... На третій день, около вечера, она сидѣла въ залѣ на окнѣ, обертывая въ лоскутки фарфоровыя куколки. На улицѣ было какое-то особенное движение: люди собирались въ кучки, другие бѣжали. Къ крылу подкатилъ на своихъ вороныхъ полиціймейстеръ Трескунчикъ и прошелъ на половину матери. Толпы росли и росли. Дѣвочка засмотрѣлась. Мальчишки взбирались на деревья, на заборы. Одинъ свалился, она засмѣялась: „у, глупый“! Изъ-за угла кого-то вынесли на носилкахъ. Остановились у ихнихъ воротъ. Будочники кричали: „Чего лѣзешь! Легше! Не напирай!“ Заскрипѣли ворота и толпа хлынула на дворъ. Наташа перебѣжала къ другому окну, держа въ рукахъ игрушки, стала на него на цыпочки и принялась глядѣть черезъ головы. Кто это? кто?! Сердце въ груди колотилось. Кучерь Максимъ торопился отомкнуть сарай. На крылечко флигеля вышли хозяйскія дочери и всплеснули руками. „Не тотъ ключъ, гужоѣдъ!“ крик-

иуль кто-то изъ толпы. „Опускай на землю!“ скомандовалъ квартальный, часто заходившій къ отцу „убить мушку“. „Господа, не напирайте! Я вѣсъ покор... говорять тебѣ: не лѣзь, шельма!“ Трахъ въ ухо... Носилки опустили. На нихъ лежалъ кто-то, прикрытый рогожею, виды были однѣ голыя ступни ногъ, на одной моталась портянка. Вода текла съ носилокъ. Будочникъ нагнулся исправить рогожу. Мелькнула мокрая визиточка... лицо, закрытое волосами, съ запекшейся кровью... борода...

— Пана! крикнула дѣвочка. — Мама, мама... пана!!! и опрометью бросилась въ комнату матери.

Мать не слышала, какъ вбѣжала дѣвочка: она говорила съ Трессучиникомъ у горящаго камина.

— Тамъ... пана... Ты убила пана? произнѣль голосокъ дочери.

Мать задрожала и поднялась во весь ростъ:

— Что ты?!

— Ты, ты! Я не хочу жить съ тобою! Ты хотѣла его въ богадѣльню... Что онъ сдѣлалъ? Гадкая, гадкая!

Рыданія захватили ея голосъ. Опа бро-

силась вонъ изъ комнатъ, на улицу, крѣпко прижимая письмо къ груди, и бѣжала, бѣжала...

Баба черпала воду въ колодцѣ и подняла ведромъ его руку.

III.

«Отравилась спичками».

 О ВСТРЪЧИ съ нею онъ посыль между товарищами кличку дяди. Они его уважали и любили; онъ рѣшалъ ихъ сомнѣнія и споры, выручалъ совѣтомъ, а подчасъ и рублишкомъ. Но тутъ все измѣнилось.

Пошлась она ему на глухой улицѣ, часу въ одиннадцатомъ почти. Она тихо стонала подъ заборомъ.

— Что съ вами?

— Оставьте... не троньте. — О-о-о-о, жжетъ, горить!

— У васъ видно никого нѣтъ? У васъ нѣть матери? Она зарыдала...

Мимо тащился извозчикъ. Дядя бережно окуталъ ее въ свое пальто, бережно усадилъ на дрожки. Извозчикъ проворчалъ:

клюнула! Она не сопротивлялась... только тихо всхлипывала, какъ ребенокъ... Онъ привезъ се къ себѣ, уложилъ, кинулся къ знакомому врачу. Она объявила, что проглотила коробочку спичекъ. Докторъ далъ противоядіе.

Вотъ и все. Но этого было достаточно, чтобы товарищи стали въ ту尼克ъ. Нашъ-то дядя... Іосифъ-то!.. говорили они. Это было въ горячую пору экзаменовъ. Одни находили, что подло, не сдѣлавъ ничего для себя, обзаводиться любовникою, да еще какою! поднятою на улицѣ. Другіе, менѣе суровые, говорили, что если онъ задался мыслю спасти ее, то это при настоящемъ положеніи дѣль по малой мѣрѣ сумасшествіе. На ихъ упреки онъ отмалчивался. И только разъ ужъ очень беспощадному товарищу отвѣтилъ: — Какую же вы мнѣ мерзость говорите! Знаете, въ древней Греціи казнили одного мальчика, который убилъ птичку, укрывшуюся на его груди отъ ястреба.

Губы его дрожали, когда онъ говорилъ это... Товарищи машинали на него рукою.

Житье его было горе-горькое. Въ его комнату надо было сойдти по тремъ ступенямъ. Направо, вдоль сырой стѣны, стоялъ старый протертый диванъ. Передъ нимъ столь сѣ книжонками и бумагами;

въ углу у двери, па табуретѣ, глиняный тазъ съ кувшиномъ; подъ диваномъ чено-данчикъ съ кое-какимъ бѣльемъ. Это была вся утварь. Надъ диваномъ, въ уступѣ стѣны, свѣтилось окно, упирающееся въ тротуаръ. Это была его приемная, гостин-ная и кабинетъ.

Маленькая дверь вела за перегородку съ такимъ же оконцемъ. Тамъ па двухъ доскахъ лежало подобіе тюфяка. Это была его спальня. Теперь онъ спалъ въ иервой половинѣ на диванѣ. За перегородкою же помѣстилъ ее...

Когда онъ уходилъ изъ дома, она ша-рила въ его чемоданчикѣ, торопливо ито-нала и чинила его носки и бѣлье.

Какъ-то хозяинъ его квартиры, отстав-ной солдатъ, бѣднякъ, промышлявший *кух-мистерствомъ*, принесъ ей сшить рубаху дворнику за 20 кои. Работа оказалась скорая и хорошая. Съ этого дня она ис-кала шитья... Она то робко глядѣла на своего спасителя, то широко раскрывала свои глаза, когда онъ, думая, что она сшить за перегородкою, на цыпочкахъ ходилъ по комнатѣ. Эти глаза, казалось, тогда говорили: давно, Боже мой, какъ давно предполагали, что я хочу сшить, отдохнуть, работать, и вдругъ... сонъ ли, бредъ ли?

Ей было не более 16 лѣтъ. Она какъ будто не жила съ дѣтства. Она спрашивала его: что такое наспортъ? что значитъ разстроеныи нервы? развѣ много городовъ? почему Христа называютъ Спасителемъ?.. Суровое ся лицо стало чаще и чаще озаряться милымъ свѣтомъ надежды. Она распредѣлила свои занятія: часть писала, часть читала, остальное время шила. Правда все это? спрашивала иногда она. Не сонъ?..

Онъ съ любовью наблюдалъ за ея усиленіями учиться и имѣть *свой* кусочекъ хлѣба.

Прошло два мѣсяца. Былъ вечеръ. Она ушла отнести кому-то шитье. Сидя за столомъ, онъ работалъ надъ диссертацией. Свѣча тускло освѣщала огромный подвалъ. Тоска давила молодаго человѣка. Лѣтній вечеръ тащилъ куда-то далеко.

— Самоварчикъ? спросилъ его вошедший хозяинъ Василій Вощечкинъ.

— Не нужно.

Вощечкинъ потоптался.

— Страсти! сказалъ онъ.

— Что такое?

— Опять побѣдилъ! Такъ воспалъ—бѣда. Двухъ крысъ задушилъ... славный песикъ!

Онъ его не слушалъ, розыскивая послѣднюю выписку, сдѣланную въ публичной

библіотекъ. Вощечкинъ фыркнулъ: — Чудеса!

— Что еще?

— Полковнико третяго чижъ купилъ. Учить воду таскать, марини распѣвать—самъ на флейтѣ играеть, а чижъ подтягиваютъ. Ахъ ты!.. Быть и на Раратѣ, и подъ Севастополемъ, и въ Питерѣ, въ жизнь не видаль, чтобы полковники чижей производили въ водовозы да въ музыканты. Командиръ, одно слово!

— А не уйдти ли вамъ лучше?

— Это точно. Только такая окаzia стряслась, просто и не знаю...

— Да вы сразу.

— Ахъ ты Боже! Это... хозяинъ обиждастся: зачѣмъ, значитъ *мамзель* пустили на квартиру. Я тутъ что же... ничего. Поэтому одно слово, хозяинъ: не можетъ выносить баловства. Блародный! Мнъ тоже не рука: кухня тутъ хорошая, рынокъ подъ рукою... А наше дѣло такое: бороду брить, по міру не ходить.

— Хорошо.

— Теперь-то взять фяле 20 кон...

— Можете идти.

— Можетъ за селедочкой слетать?

— Не надо. Если вы уйдете, вы сдѣласте мнѣ большое одолженіе.

— Можно-сь. Это можно! Потому это

точно, немножко вышивши: цѣлый день у
плиты—невозможно.

Ушелъ.

Вотъ оно дѣло-то какое.

Еще съ недѣлю тому назадъ нашелъ онъ
прилѣпленную бумажку на своей двери,
съ надписью „потаскушка“... Начиная съ
товарищей, бойко и смѣло входящихъ въ
жизнь, кончая кулакомъ домовладѣль-
цемъ,—отовсюду, со всѣхъ сторонъ, звучало
ему: честно жить разъ споткнувшемуся—
нельзя! Иди до конца, до собачьей смерти,
подъ заборомъ отъ котлетки!

Такъ ли онъ сдѣлалъ? Не ошибся ли?
Не подведетъ ли онъ се подъ новые ножи?

— Но вѣдь разъ родившемуся надо
жить! шепталъ онъ, ходя по комнатѣ. Я
хотѣлъ...

— Что ты хотѣлъ? подымался въ душѣ
назойливый голосъ. Заставить ее взбѣ-
раться по отвѣсной стѣнѣ?

По улицѣ глухо прокатился экипажъ.
Какія-то тѣни, какъ лапы гигантскаго пау-
ка, задвигались по потолку и стѣнамъ.
Только теперь онъ замѣтилъ, что за перес-
городкой горѣла лампадка. Дверь была
полуутворена. Онъ заглянулъ въ нес. Свѣтъ
лампадки отражался въ вѣничкѣ иконы,
купленной имъ для нея на *новоселѣ*,—ло-
жился на ея бѣдную постель, на столицѣ,

покрытый белой вязаной скатертью...
Сама вязала, подумал онъ. До сея дalekij благовѣсть...

— Завтра воскресенье... Онъ потеръ лобъ, тяжело вздохнулъ и опять сѣлъ за работу, прошептавъ: — Что ей такъ долго пѣть?

Онъ не слыхалъ, какъ она вошла. Одѣта она была въ старую красную юбку, въ которой она убѣжала оттуда; сверху черная кофточка — *его* подарокъ. Смотрѣла она угрюмо, бойко. И все-таки черты лица были необыкновенно привлекательны. Верхняя губа чуть-чуть была приподнята... Она тихо подошла къ его столу.

— Вы заняты? спросила она его отрывисто и угрюмо.

— А! А я только вспоминалъ... Ничего, не мѣшаете.

— Мне нужно говорить съ вами.

— Давайте. О чёмъ?

— Вы похудѣли, испасковый. Это все я.

— У меня серьезная работа.

— И прежде была работа. Вы всегда работали... Такъ нельзя. Я сейчасъ была въ церкви, молилась. Я рѣшилась.

— На что?

— Уйтти.

— Уйтти!?

— Я хочу, чтобы вы были счастливы.

А у васъ три рубахи, сюртукъ воинъ какой...
Уроковъ нѣтъ...

— Тенерь лѣто. Съ августа оинть будуть.

— Я васъ обѣщаю и обкрадываю. Не хочу я.

— Я хлопочу вамъ о мѣстѣ.

— Мѣстомъ меня не утишайтѣ. Я умѣю только шить. Горничной быть? Я не вынесу. И вы сами говорите, что нужна какая-то бумага. А шить, все шить... Развѣ я мало тенерь шила? А у насть третій день чаю нѣтъ. Воинъ какіе у меня башмаки... Работать все на другихъ, а себѣ ничего!

— Надо не унывать. Будеть лучше!

— Не правда. Миѣ не будетъ лучше. Зачѣмъ вы тогда меня спасли? Я хуже собаки. Собакѣ можно любить хозяина за кусокъ хлѣба, а миѣ нельзя. Вы не можете любить такую... Вы молчите. Видите! Зачѣмъ же это вы сдѣлали? Для васъ я все выпесла бы. Но вы меня не любите. Не хочу я! Отпустите меня.

— Но куда же?

— Я ужъ знаю. За мной пріѣдетъ карета. Миѣ обѣщали квартиру, платья, браслеты. Я еще молоденькая... Я глупая, меня не учили по вашему, можетъ я все не такъ говорю, но не могу я, не могу!

Опъ взялъ ее за руку. Она отдернула руку. — Зачѣмъ же вы такъ дрожите? Я люблю васъ какъ сестру, какъ родную! Но любить, какъ вы хотите, я не могу и не смѣю. Это только подлые люди, Олињка, первую встрѣчную губятъ. Это гадко!

— Что меня губить... Я ужъ погибшая! Я знаю, что вы хороший, оттого-то я и хочу, чтобы вы меня любили. А теперь я къ первому встрѣчному иду!

— Если бы я и полюбилъ васъ такъ, какъ вы хотите, что было бы дальше? Мнѣ и одному жить трудно. У насъ могутъ быть дѣти... Подумайте.

— Мнѣ нечего думать. По вашему не надо и обѣдать: завтра все равно будень голоденъ. Не любите меня — вотъ и все. Другую любите! добавила она тихо, глядя ему въ упоръ.

Опъ дрогнулъ...

— Видите, видите!

— Вы говорите Олињка, что обкрадываете меня. А развѣ право на мою любовь уменьшаетъ эту кражу? Вамъ теперь больно, что вы ищѣмъ не можете мнѣ пособить. А какъ же тогда будете страдать—видя, что я надрываюсь надъ работою, что нашъ ребенокъ не будетъ имѣть можетъ быть зимой теплаго одѣяльца. Жизнь со мною только разовьетъ

васъ. Вы проклянете всѣхъ людей — и меня первого, что я не остановилъ васъ!

— Я не злаю. Можетъ это и такъ... только ирониаща я, ирониаща! Зачѣмъ вы тогда меня лечили!

— Глядите на мой уголокъ, какъ па хату, въ которой вы хоть немножко обогрѣлись отъ выюги.

-- А я что же говорю? Уйду отъ васъ — опять прежнее.

— Зачѣмъ же прежнее, Олињка? Вы съумѣли и въ грязи сберечь чистое сердце. Берегите его и теперь. Васъ ничему не учили, ни къ чему не подготовили, — ищите въ иномъ вашего дѣла и счастія. Не вы одиѣ страдаете, всѣ люди измучены горемъ. Ваша тетка, которая погубила васъ, отъ горя и нужды стала *такая*... И напрасно вы не напишете... Хотите, я достану вамъ денегъ на дорогу?

— О, нѣтъ... пожалуйста, пожалуйста! Я опять отъ нея уйду... Онъ попикъ головою.

— Вы говорите, что нашли человѣка, который дастъ вамъ квартиру, платья и браслеты. Онъ не старикъ?

— Нѣтъ.

— Да... И у него есть свое горе. Поймите это горе, заставьте его уважать себя, будьте ему вѣрны, и — павѣрно все